

Игорь Ефремов

Все в наших руках

Угадайте, кто этот маленький мизантроп и интроверт с машинкой на заднем плане? Да-да, вы не ошиблись, Игорь Борисович собственной персоной! А теперь я поведаю вам немислимое.

Вы можете мне не поверить, но я далеко не всегда был таким трындоболом, коммуникабельным и общительным человеком, как нынче. В детстве моими лучшими друзьями были книги, с трех лет я предпочитал их общество компании себе подобных. Для меня было реальной мукой обратиться с каким-либо вопросом к незнакомому человеку, более-менее нормально болтать

я мог лишь в своей тусовке, с пацанами, которых давно знал. Было это, правда, так давно, что самому с трудом верится, что этот дикий и застенчивый ребенок – я. Но я очень хорошо помню момент, когда все изменилось в корне.

Было мне тогда лет десять. В детстве каждое лето я гостил у бабушки с бабушкой в поселке Туровец Вологодской области. Про деда своего я писал неоднократно, напомним, что он был мастером на все руки и мог из любого подручного материала смастерить нечто удивительное. Половина поселка, например, плавала по Сухоне на лодках, которые дед изготовил собственноручно, и которые давали сто очков вперед любой алюминиевой казанке.

Была персональная лодка о двух веслах и у меня, легкая, чтоб я мог в одиночку ее спустить на воду, быстрая и маневренная. И для меня не было кайфа больше, когда с утра я уходил на реку, отталкивал лодку от берега и уплывал куда глаза глядят. Я догребал до противоположного берега, исследовал все притоки и островки, я мог спуститься по течению на несколько километров вниз, а там прицепиться к так называемым ершам – плотам из бревен, которые буксиры тащили вверх в город Сокол, на целлюлозно-бумажную фабрику, и таскали тогда довольно часто. Так здорово было пришвартоваться к ершам, вылезти на их горбатые спины и, развалившись на самом удобном бревне, пялиться в небо, обозревать окрестности и думать о разном... И одиночество тогда меня совсем не тяготило, ибо было одиночеством не вынужденным, а добровольным, из которого я в любой момент мог выйти по своему желанию. Вот только желания как-то особо не наблюдалось.

Так вот, возвращаясь я как-то от пристани, подгребаю к месту причала и вижу на берегу двух друзей деда, которые машут мне приветственно и что-то говорят. И так в лом мне было после целого дня, восхитительно проведенного в одно лицо, впрягаться вновь в вериги социальных отношений, что я тупо отморозился и погреб в обратную сторону, оставив мужиков в глубоком недоумении.

Вечером валяюсь на печке, дро... читаю Колдуэлла (а читал я тогда все, что под руку подвернется, ну вот вообще все, ибо

выбирать не приходилось). Заходят в дом те самые дедовы кореша и, не видя меня, изрекают буквально следующее:

– Слышь, Вась, ты вот такой мужик компанейский, душа компании, балагур и пиз... весельчак, а че ж у тебя внук такой дикий? Просто как звереныш какой-то. Шли сегодня с рыбалки, хотели тебе рыбки передать на уху, а он нас увидел и давай драпать, как заяц. Че за хня?

Лежу я, слушаю, обмерши, сии речи, и так мне стыдно, что просто провалиться до центра Земли хочется. И в этот самый момент я клянусь сам себе, на полном серьезе, самой клятвенной клятвой, что прямо с этого момента все будет по-другому...

И что вы думаете, таки прямо с этого момента я начал общаться со всеми людьми подряд, знакомыми и незнакомыми, приятными и неприятными, общаться через силу, постоянно ломая себя, нарываться на коннекшн специально, там, где этого даже и не требуется. Поначалу было немыслимо трудно, да. Но через какое-то время я поймал себя на мысли, что уже не очень-то себя и заставляю, а еще чуток погода стал находить в этом помимо неоспоримых плюсов и какой-то определенный кайф, иногда весьма и весьма ощутимый.

Вот так с тех пор и не могу остановиться, даже работу выбрал такую, где без подвешенного языка делать нефиг. Но иногда тот самый маленький интроверт, который где-то глубоко во мне еще сидит, просыпается, и я погружаюсь в себя и свое безлюдное детство. Правда, надолго не получается...

